

УДК 821.161.1.09 Окуджава Б.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Окуджава Б.
Г46

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев авторских прав

В оформлении обложки использована фотография
Владимира Савостьянова /Фотохроника ТАСС/

В книге использованы иллюстрации из коллекции автора

Гизатулин Марат Рустамович

Г46 Булат Окуджава. Вся жизнь – в одной строке / М.Р. Гизатулин. – Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2019. – 528 с.: ил. – *(Век великих)*

ISBN 978-5-17-114270-4

Книга посвящена калужскому периоду жизни Булата Окуджавы, когда он, молодой учитель, только делал первые шаги к всенародной известности. Именно тогда были заложены основные принципы его творчества, верность которым он сохранил на всю жизнь. Автор книги Марат Гизатулин выступает здесь в ипостасях исследователя и журналиста, обращаясь как к документам, так и к живым людям, лично знавшим Окуджаву.

**УДК 821.161.1.09 Окуджава Б.
83.3(2Рос=Рус)6-8 Окуджава Б.**

ISBN 978-5-17-114270-4

© Марат Гизатулин, 2019
© ООО «Издательство АСТ»

Памяти моего отца посвящаю эту книгу

Об этой книге и её авторе

С автором этой книги у меня с первого дня знакомства сложились самые дружеские отношения.

Да и как мне было не подружиться с ним, когда я прочитал не помню уже какой по счёту выпуск альманаха «Голос надежды», восхитился профессионализмом его составителей, сам отдал в этот альманах статью о Булате Окуджаве (её напечатали) и прочитал в нём, что его издателем является не известный мне дотоль Марат Рустамович Гизатулин.

Уже познакомившись с ним, я узнал, что он владелец издательства «Булат», что на его деньги выпущены книги об этом поэте, как правило, насыщенные конкретным материалом, и что он вместе с Львом Шиловым основал народный музей Окуджавы и был его первым директором.

Причём и это делал бескорыстно, не получая за работу денег, а наоборот, тратя свои.

Увы, он не был миллионером, и деньги кончились после выхода девятого выпуска альманаха. На десятый выпуск уже собирали с миру по нитке, и он стал последним. Но все десять выпусков вошли в золотой фонд окуджавоведения, став бесценным материалом для исследователей жизни и творчества поэта.

И книги, которые он издал (в том числе и свои), как правило, оказывались очень неплохими, теперь они уже недоступны читателям. И я на месте нынешних издателей обратил бы на них внимание, переиздав и эти малотиражные книги, и все выпуски бесценного альманаха. Думаю, что в накладе они не остались бы.

Марат подарил мне собственные книги, не только исследовательские – об Окуджаве («Его университеты», «Булат Окуджав: "...из самого начала"»), но и художественные: «Жизнь – впереди», «Ничего страшнее тыквы», «Однажды бывший советский пролетарий», «Неблагодарный труд писателя». Последняя его книга «Всё, что исхожено» вышла в издательстве «Ридеро», в ней собраны весёлые, как бы наивные, а на самом деле невероятно психологичные

рассказики Гизатулина, чью манеру уже не спутаешь с чьей-нибудь другой.

Вот и в книге, которую вы открыли, Марат выступает во всех своих ипостасях: скрупулёзный и добросовестный исследователь, незаурядный журналист, умеющий в интервью разговорить человека, нащупать и показать индивидуальность собеседника. Даже не просто незаурядный, но журналист высшего класса, так использующий неотредактированные записи своего диктофона, что они становятся страницами естественной неприкрашенной жизни. Впрочем, последнее – это ещё и свойство художественного дара, которым щедро наделён писатель Гизатулин.

Не говорю уже о том, что о многом из жизни его героя вы узнаете впервые. Так было и в прежних его книгах об Окуджаве, где нередко собраны факты, обнаруженные именно Гизатулиным, до него неизвестные.

Мне кажется, что в этом смысл эпитафии, в который вынесено стихотворение Булата 1961 года. «Публикуется впервые» – это и предупреждение о том, что уготовано читателю в новой книге, и указание на суть знакомого художественного метода автора, которому уже приходилось опираться на не опубликованные прежде материалы, открывать их читающей публике.

Да уж, что говорить, тексты Булата Окуджавы, которые публикуются впервые, в этой книге представлены исключительно щедро. Но мне думается, что не всегда оправдана их публикация.

Вспоминаю, как пел Булат в своём кругу, как просили его иногда: «Спой такую-то...» – и как он нередко отвечал: «Ну что ты, это очень слабая песня!»

Поэтому, читая здесь иной газетный текст, написанный газетчиком Булатом, или иное его стихотворение, напечатанное много лет назад в калужской газете, думаю: «А согласился бы Булат на такое перепечатывание? Разрешил бы перепечатать?»

Правда, словно предчувствуя возможные вопросы, автор, посылая мне свою рукопись, предупредил: «Книга состоит из двух частей – повестушки “По Смоленской дороге” и очерка про Тарусу. Они объединены под одной обложкой не только географическими обстоятельствами, но и схожим списком действующих лиц. И может показаться, что это одно, но нет, это разные произведения».

Надеюсь, что читатели это поймут, хотя и «повестушка» здесь тоже документальная и, стало быть, как и очерк, основана на документе.

Вижу, что Марат Гизатулин поставил перед собой сложную и неблагодарную задачу, особенно публикуя очерки, написанные

Булатом по редакционному заданию, или так называемые «датские» стихи (то есть к определённой дате). Такие вещи даже в полных собраниях сочинений писателя печатаются в служебных, а не в основных разделах (справедливости ради замечу, что и Гизатулин поместил их в приложениях, но это не совсем то, что приложения в томе собрания сочинений!).

С другой стороны, приведу цитату из письма друга Гизатулина, литературного критика Леонида Соколова, прочитавшего эту книгу в рукописи:

«...“плохие”, “датские”, заказные стихи, а также прочая беллиберда про коровники и кукурузу в твоей книге намного важнее, чем “хорошие” стихи и описание чего-то грандиозного и великого. Потому что 50-е годы – это уже Куликовская битва и Ледовое побоище, которые никак не понять, пока не попробуешь – и для этого понимания, чем хуже, тем лучше. Вот это вытравливание “незначительного” всяких пустяков и портит любые книги “о времени и о себе” – разумеется, как в книгах именно такого сверхпристального взглядывания в эпоху, когда день за днём проходило вызревание незаурядного автора. Ты как раз и копаешься в “плохих” песнях, которые и сам Окуджава рад бы забыть, потому что ты в состоянии убедительно объяснить, что стоит за этими неудачами. Ведь что-то об авторе и времени в этом тексте наверняка сказалось! Ведь ты же не упиваешься тем, что, мол, посмотрите, какой тут автор неуклюжий, а показываешь подноготную текста».

Пожалуй, с таким пониманием явления я соглашусь.

Соглашусь и замечу, что анализ текста занимал Гизатулина в последнюю очередь. Многие газетные статьи и стихи опубликованы автором в приложениях без какого-либо разбора, даны как свершившийся факт. Для автора, исследователя, гораздо менее важны профессиональные и поэтические качества газетных статей и опубликованных в газете стихов, чем сам факт их нахождения, обнаружения, установления их места в творческой биографии Булата Окуджавы.

Но если это всё-таки недостатки, то они у Гизатулина – продолжение достоинств, которых в книге намного больше.

Таков уж Гизатулин-рассказчик, что всё, что попадает в его поле зрения, оживает со своими хорошими и плохими, достойными уважения и смешными чертами. Чего-чего, а скучать читателю не придётся. А главное, чем отличается эта книга Марата Рустамовича от книг других авторов, писавших о юном и молодом Окуджаве, его творчестве, – она отличается полнотой изображаемого полотна, в котором нашлось место всем, кто так или иначе соприкасался

с Булатом, – от его родного брата Виктора, его литературных приятелей до его учеников школ в Шамордине, Высокиничах, в Калуге. Каждый не просто мелькает в повествовании, но дан в развитии, показано, как распорядилась им судьба. А такие вещи и заставляют верить автору, который сделал в своей книге полемическое, на первый взгляд, заявление:

«Лирический герой художественного произведения, даже автобиографического, вовсе не обязан во всём совпадать со своим творцом. Однако, по собственным неоднократным заявлениям Булата Шалвовича, он всю жизнь писал о себе, и именно поэтому все отклонения от действительности в его прозе представляют большой интерес для исследователей, поскольку почти всегда имеют какую-то вескую причину».

Булат засвидетельствовал однажды, что не только в прозе, но и в поэзии он пишет о себе. Помните:

*У поэта соперника нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
Это он не о вас – о себе.*

Так что, с этой точки зрения, Гизатулин прав. Но запечатлеть «отклонения от действительности», выяснять, почему творец от неё отклонился, можно только вживаясь в его образ. А таким умением Гизатулин владеет отменно. Он совсем не красного словца ради написал почти в самом конце этой книги, заканчивая воистину захватывающий рассказ об альманахе «Тарусские страницы»: «Может быть, я как калужанин – а я за последние двадцать лет так Калугой заболел, что и сам себя теперь калужанином ощущаю...» Восстанавливая «отклонения», показывая, как было на самом деле, выясняя, почему «отклонялся» от действительности в том или ином эпизоде повествования писатель, Гизатулин ни с кем не полемизирует. Он сформулировал свой метод художественного письма, своё умение заинтересовать читателя тем, по поводу чего и сам испытал «большой интерес».

Что ж, в этом смысле Гизатулин остался верен себе. Мне обидно, что этот незаурядный писатель почти не замечен современной критикой. А ведь умением держать читателя в напряжении на протяжении большого повествования Марат Гизатулин превосходит многих обласканных нынешними критиками писателей, многих лауреатов престижных писательских премий. Мне кажется, происходит это потому, что Марат Рустамович обходит стороной

литературные журналы, на которые в основном ориентируются литературные критики, издатели и члены жюри различных литературных премий.

Зря обходит стороной? Может, и зря. Хотя это не говорит о равнодушии писателя к признанию читателей и критики. На мой взгляд, Гизатулин давно завоевал своё место под литературным солнцем. И книга, которую сейчас держит в руках читатель, – верное тому доказательство.

*Геннадий Красухин,
доктор филологических наук, профессор*

Как карусель, весь шар земной,
как синий снежный ком.

Пируют боги надо мной –
Я с ними не знаком.

Я словно бабочка. Точь-в-точь.
А где-то в вышине
пируют боги день и ночь,
всё знают обо мне.

И однотомник Бытия
листают пред собой...
Хожу по тем страничкам я.
Весёлый и слепой.

Меня невзгоды крепко бьют,
меня тревоги гнут,
а боги видят, боги пьют
и глазом не моргнут.

Меня в окопы годы мчат,
а я не вижу: слеп.
А боги видят, но молчат
и только машут вслед.

Им всё известно до конца:
вся жизнь – в одной строке.
И птичка моего свинца
дрожит у них в руке.

Им распознать немудрено,
где лучший день из дней,
и сколько лет мне быть должно
в день гибели моей.

И сколько мне пером скрипеть,
и сколько вёрст ползти,
и как я должен прохрипеть
последнее прости.

Ах, мне бы книгу Бытия –
я знал бы жребий свой!..
Но им такой вот нужен я –
весёлый и слепой.

Булат Окуджава, 9 мая 1961 г.
(публикуется впервые)¹

¹ В 1998 году во время пребывания в Петербурге я побывал в гостях у Ирины Васильевны Живописцевой, сестры первой жены Булата Окуджавы. Она щедро поделилась со мной своим архивом. Там и был обнаружен автограф этого стихотворения.

ПО СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Глава 1. Шамордино (1950–1951)

*Как ты там поживаешь над рекой Серёной,
карасями заселённой,
облаками засорённой?
Как ты там поживаешь в своём скворешнике,
примостившемся на берегу,
где полки молодого орешника
на бегу
изогнулись в дугу...*

Весной 1950 года Булат Окуджава заканчивал учёбу в Тбилисском государственном университете. Вместе с ним училась и его жена Галя Смольянинова. Подходило время распределения, и к этому моменту молодые твёрдо знали, что они хотят работать только в России. Тому были особые причины.

1.

Вот что Булат Шалвович рассказывал в 1992 году о том, как попал в калужскую глубинку:

Пришло в университет требование на определённое количество преподавателей в российские школы. А я сам просил распределить меня в Россию, потому что родился в Москве, родной язык – русский, оставаться в Грузии мне не хотелось, а хотелось быть поближе к Москве, которой я был лишён...²

Конечно, в детстве его часто привозили в Тбилиси к родственникам, в основном летом, и там он слышал грузинскую речь от родных и просто на улице, и даже как-то научился говорить, но именно как-то, а этого недостаточно грузину, чтобы чувствовать себя уютно в Грузии. Тем более что карьерные устремления его лежали всё-таки в области профессиональной литературы, а писать он мог только на русском. У него даже был опыт публикаций в русскоязычной газете в Тбилиси, но уже давно, в начале учёбы в университете, да и несерьёзно – всего лишь в газете Закавказского военного округа.

К тому же в Москве жили некоторые тбилисские друзья, молодые литераторы, уехавшие сразу после войны учиться в Литера-

² Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября. 1992. 17 окт. С. 3.

турный институт и в ГИТИС и теперь уже делающие первые творческие шаги в столице.

Сам Булат после того, как были арестованы родители и отняты комнаты в арбатской коммуналке, о столице не мог и мечтать, но в России оставалась возможность работать в какой-нибудь области поближе, чтобы хоть иногда бывать в Москве – городе его детских воспоминаний. Там был его родной Арбат, там жили немногочисленные уцелевшие после войны друзья. Там, у Павелецкого вокзала на улице Валовой, жила родная тётя Маня, сестра отца.

Но кроме этих соображений существовало ещё одно.

В 1948 году, в самом конце третьего курса, случилось несчастье. Нескольких знакомых Булата арестовали по обвинению в участии в подпольной антисоветской организации. Двое из них, Александр Цыбулевский и Лев Софианиди, ближайшие его друзья, учились с ним вместе и тоже писали стихи. Они и Алексей Силин, ещё один начинающий поэт, учившийся в их группе, часто собирались у Булата дома, читали стихи – свои и чужие, обсуждали их, разбирали, спорили...

И вот двое из этих троих оказались членами антисоветской организации! Теперь, когда каждому школьнику известно, как мог человек пострадать в те времена просто за безобидный анекдот, неудачно рассказанный в кругу даже близких людей, или за пшеничный колосок, подобранный на дороге вдоль колхозного поля, это может показаться удивительным, но организация такая действительно существовала. И название её не оставляло сомнений в серьёзности намерений: «Смерть Берия!»

Правда, организация с таким благозвучным названием прекратила своё существование ещё в 1946 году, и ни Александр Цыбулевский, ни Лев Софианиди никогда не были её участниками. Но одна из активнейших членов этой тайной организации Коммуниелла (Элла) Маркман дружила с ними. Она посвятила Лёву Софианиди в эту тайну много позже, даже после того, как у одного из бывших членов уже не существующей организации не выдержали нервы и он пошёл куда следует и донёс.

За всеми фигурантами установили слежку, и через контакты Эллы Маркман «засветились» Софианиди и Цыбулевский. Грянул гром. Все причастные к заговорщикам были арестованы. Им крупно повезло: именно тогда, в 1948 году, в СССР ненадолго отменили смертную казнь. Не случись этого, уж с Эллой-то Маркман нам точно не пришлось бы разговаривать шестьдесят лет спустя. Тогда она получила по максимуму – двадцать пять лет каторжных работ. Что касается Лёвы Софианиди с Шурой Цыбулевским,

то они получили по своей «десятке» ли, «пятёрке» ли (во всяком случае, отсидеть успели по пять лет) за недоносительство, причём последний вообще ни за что: Цыбулевский о тайной организации ничего не знал. Элла Моисеевна рассказывала, что посвятить в этот секрет Шуру ей не пришлось в голову по простой причине: он был очень далёк от всего, не касающегося поэзии, и просто не услышал бы её. А с Булатом у неё не было таких близких отношений, как с этими двумя, он ей уже тогда казался несколько холодным и отчуждённым, и это спасло его от откровений юной революционерки.

Ирина Живописцева, свояченица Булата, рассказала, как после ареста Софианиди и Цыбулевского Булата и Алексея Силина вызвали в НКВД и предупредили: если они не прекратят свой сборища, их ждёт та же судьба. Силин тогда так был напуган этой историей, что, не доучившись, забрал документы из университета и уехал из Тбилиси в неизвестном направлении (подтверждения тому, что он ушёл из университета, нашлись в архиве ТГУ). Куда он делся, так и не удалось выяснить. Сокурсники о нём больше никогда ничего не слышали. Но, может быть, не страх перед НКВД заставил его скоропалительно бросить университет – в атмосфере всеобщей подозрительности многие шушукались, что именно Силин выдал подпольную организацию, хотя впоследствии выяснилось, что предателем был другой человек.

Булат же, хоть и доучился, чувствовал себя после случившегося не очень уютно и сразу по окончании университета рад был уехать из Тбилиси куда подальше.

Вот по этим причинам, вероятно, молодые супруги Окуджава и попросились по распределению в Россию.

Благополучно защитив дипломные работы, они стали собираться в большую жизнь. Вместе с ними готовился к отъезду младший брат Булата Виктор. Полтора года назад вторично арестовали их маму Ашхен Степановну, и Виктор жил в Ереване с тётей Сильвией, сестрой матери, и закончил девятый класс. Теперь Виктор поедет с братом и будет учиться в десятом классе под его присмотром. В том, что работать молодым специалистам придётся в школе, особых сомнений не было. Может быть, были какие-то мечты, но...

В университете была обязательная практика в школе. Нас готовили для этой роли. Потому что из сорока студентов, допустим, кончавших университет, двое шли в аспирантуру, ещё несколько – в газеты, а остальные – в учителя. Мне как сыну «врагов народа» не светила ни аспирантура, ни тем более редакция. Да

*и, честно говоря, меня в науку совершенно не тянуло. У меня была одна задача – зарабатывать себе на жизнь*³.

Ну, здесь придётся внести небольшое уточнение. О какой, собственно, аспирантуре он мог мечтать с его оценками? Ведь в университете он учился, мягко говоря, неважно. И тёмное прошлое родителей здесь совершенно ни при чём. Другое дело – редакция. Он как человек пишущий вполне мог бы рассчитывать на такую работу, если бы не был «вражеским» отпрыском.

2.

Летом 1950 года Булат, Галина и Виктор приехали в Москву. В Министерстве просвещения на Чистопрудном бульваре, куда Окуджава явился за назначением, ему предложили на выбор несколько областей России. Он выбрал Владимирскую – поближе к Москве.

Галина с Виктором остались у тёти Мани, а Булат отправился во Владимир устраиваться. В город он приехал вечером, когда все учреждения уже были закрыты. Посмотрим, что он сам рассказывает об этой поездке:

Приехал во Владимир вечером. В отдел народного образования мог пойти только утром. Куда деваться? Я отправился в вокзальный ресторан. Сидел, независимый человек, заказал рюмочку ликёра, кофе и так хотел ночь просидеть в ресторане. На моё несчастье ко мне подсели двое – мужчина и женщина, пьяные. Заказали себе водки пол-литра и по тарелке щей. Выпили эту бутылку, опьянели ещё сильнее, но женщина всё-таки лыко вязала. Она поглядывала на меня, а у меня были усики, свеженькие. И вдруг она громко говорит: «Вот Сталин сидит». А это был пятидесятый год. Мне стало не по себе. Но потом она, напившись, заснула. А мужик очнулся, стал разговаривать. Что делать – пришлось мне его слушать. Он рассказывает, что на вербовал женщин и везёт их в Архангельск на лесозаготовки и эта – одна из них. Я стал спрашивать: «А как там, на лесозаготовках?» Он отвечает: «Плохо очень, вредители окопались, кулаки, начальство из врагов народа состоит, в общем, беда большая...» Я говорю: «Надо об этом в газету какую-нибудь написать». Он: «Да я не умею». Я предлагаю: «Говори, рассказывай, а я запишу». И он мне стал диктовать. Писал я, писал, неожиданно подходит железнодорожный милиционер в малиновой фуражке: «Ваши документы». Я ему протянул свои бумаги, все, какие были. Он их забрал, взял и записную книжку, куда я заносил то,

³ Окуджава Б. Куда поступал Онегин / Интервью брала И. Ришина // Первое сентября 1992. 17 окт.